

Комм. Правда - 1994 - 15 февр. - с. 7

Паваротти проглотил скрипку Страдивари

Когда великие говорят между собой, журналистам лучше помолчать. Поэтому мы без каких-либо собственных комментариев предлагаем вниманию читателей стенограмму телеинтервью, которое мировая величина в искусстве Питер Устинов (110 кг) взял у другой мировой величины — Лучано Паваротти (130 кг). Рамки экрана оказались, видимо, слишком тесными для двух замечательных толстяков. Потому, вероятно, немецкий журнал «Бунте» в одном из последних номеров предоставил им место на своих страницах.

— Как вы пришли в музыку?

— Было невозможно пройти мимо нее, потому что мой отец — тенор. Сейчас ему 80, но у него все еще прекрасный голос. Года в 3—4 я стал подражать исполнителям, записанным на пластинках, которые отец приносил домой. У меня его голос. Мой отец тенор. А я — так, тенорочек.

— Но ваш отец булочник...

— В том числе. До шестидесяти лет он выпекал хлеб. Но он никогда не прекращал петь. Сначала он пел в хоре, а теперь каждые выходные солирует в церкви. Этим он зарабатывает на жизнь.

— Пекарь — это профессия, которая располагает к пению?

— Голос и мука — в них есть что-то общее, мне кажется.

— Вы мне представляетесь человеком, который как бы проглотил скрипку Страдивари. Инструмент постоянно при вас, и вы постоянно должны следить за ним, беречь.

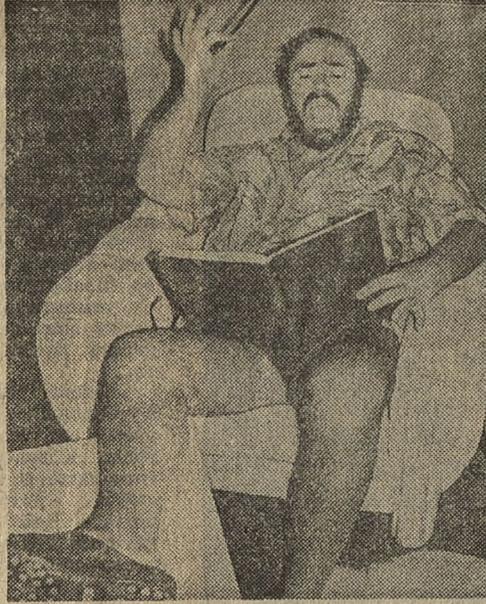

Фото из журнала «Бунте».

— У меня миленький голос и очень хрупкий. Вот мы сидим сейчас на воздухе. Прекрасная погода! Но для меня как тенора — немножко ветрено. Если бы у меня завтра вечером был концерт, я бы повязал шаль. Это почти смешно.

— Несколько слов о вашей жене...

— В сентябре исполнится сорок лет с тех пор, как я ее знаю. Наша жизнь исполнена умиротворения. Мы отмечаем 40-летие совместной жизни, а не свадьбы.

— У вас три дочери.

— Да. Когда жена в первый раз ждала ребенка, я хотел мальчика. Я вам скажу, по-

чему. Я думаю, что мужчины более счастливы в жизни, чем женщины...

— Конечно, в то время...

— Нет, я думаю, и сейчас.

— Ваши дети очень разные?

— Очень. Только в одном они едины: в оппозиции отцу.

— Вы любите живопись, скульптуру, архитектуру?

— Я пробую писать картины. Более того, я пробую изготавливать краски. Живые, сочные цвета. Это называют наивной живописью.

— Есть еще и другие хобби?

— Я люблю спорт. Прежде всего футбол. Мне нравятся

лошади, конкур. Я люблю теннис, как вы уже знаете, — вы ведь однажды выиграли у меня.

— Что может вас привести в ярость?

— Если кто-нибудь притворяется дураком. И если при этом он может навредить.

— Трудно что-либо противопоставить нетерпимости.

— Я тоже могу быть нетерпимым. Когда работаю. Но в жизни я не выношу вердикты направо и налево. Если бы я был судьей, все люди были бы на свободе.

— В профессиональных делах это, конечно, выглядит

иначе. Потому что там отстаивают свое мастерство.

— Более того: служат публике. Ведь это она твоя босс. Она оплачивает тебя.

— Какие отношения у вас с режиссерами — с людьми, которые пытаются вами руководить?

— Большинство режиссеров умеют обходиться с моими габаритами. Они знают, какие движения в моих возможностях выполнить. Они позволяют мне сначала все сделать самому, а уже затем вносят коррективы.

— У вас есть твердые политические убеждения?

— Нет. Человек должен быть свободен и делать то, что хочет. В том числе и в политике. Меня спрашивали — дважды, трижды, — не хотел бы я стать депутатом Европарламента. Я не могу.

— Вас интересует музыка, которую вы сами вообще не поете?

— Я даже сам пишу ее. В минувшем году я давал концерт вместе со многими чудесными пол-исполнителями. Это было прекрасно. Помоему, любая музыка представляет ценность.

— Думаю, это не очень тактично, спрашивать вас о других певцах. Потому что я, к примеру, неохотно отвечаю на вопросы о других актерах.

— Я восхищаюсь всеми великими певцами. Особенно великими тенорами. Если бы я кого-то выделил, то Джузеппе Ди Стефано. Он современен, у него солнечный голос, он фантастическая личность.

— Вы сами однажды сказали, что у вас «сладкий» тенор.

— Он не низкий, драматический, а светлее — как голос Ди Стефано или по меньшей мере около этого.

— Вы ограничиваете свой репертуар...

— Я не настолько фанатичен, чтобы опера была бесконечной. Важно хорошо спеть 20, 30 опер. Я думаю, это много.

— Итальянский язык очень подходит для теноров. И для баритонов также. Русский, к примеру, тяжеловат для теноров — они звучат, как если бы кошки скребли мебель. Русский куда лучше как основа для более низких голосов.

— Мне нравится это сравнение с кошками.

— Вы ведь безумно много ездиле?

— Да.

— Я видел вас на площади Небесного согласия. Вы махали руной публике.

— Да, синьор. Чудесная площадь, чудесные воспоминания. Мы давали тогда «Богему». Прилетели самолетом, который впервые сдал посадку в Пекине. Руководитель партии обратился ко мне и моей жене: «Я хочу, чтобы вы пели в Большом зале народа». И он впервые открыл этот зал для концерта. Его слушали 10 тысяч человек. И еще было 250 миллионов телевизионной аудитории. Прекрасное воспоминание. Меня просили еще раз прехать, но я сказал «нет». Я хочу оставить воспоминание в неприкосновенности. Это было так невероятно!

Подготовил Сергей ЛЬВОВ.

Паваротти Личико

15.2.94